

Секция «История России с древнейших времен до начала XX века»
**Московский кружок «вертепников» как пример самоорганизации
революционной молодежи эпохи шестидесятых годов (вторая половина 1850-х
гг.)**

Кириллов Виктор Леонидович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России XIX – начала XX века, Москва, Россия

E-mail: kirillov-msu@bk.ru

Исследователи шестидесятых годов часто обращали внимание на «властителей дум» революционной молодежи (Добролюбова, Чернышевского, Писарева и др.), либо ассоциируя всё движение шестидесятников с ними и их окружением [6], либо видя в их деятельности «спусковой крючок», одну из главных причин возникновения революционного подполья [2, с. 40-83; 15, с. 18-23]. На этом фоне история малоизвестных кружков несколько затмевалась. Особенно актуальным вопрос их изучения представляется для начала эпохи (второй половины 1850-х гг.), когда влияние знаковых публицистов еще не было столь очевидным.

Одним из первых примеров самоорганизации молодежи на рубеже двух царствований был кружок «вертепников» в Москве. Недостаток информации о нем привел к различным трактовкам его политической направленности: членов кружка причисляли к славянофилам [11, с. 17], социалистам [5, с. 42], радикалам [12, с. 30], хотя никаких документов и сочинений с изложением своих взглядов «вертепники» после себя не оставили.

Интересующий нас кружок образовался на рубеже 1854-1855 гг. со времени поступления в Московский университет П.Н. Рыбникова. Собрания «кружка Рыбникова» посещали в основном «искавшие истины» студенты с «красным» оттенком, а также учителя, часто из среды необеспеченных разночинцев; их число порой доходило до 50 человек. Вечера проходили регулярно, «в известные дни и часы». Места собраний, судя по всему, могли меняться: кружок собирался и в небольшой квартире Рыбникова, и во флигеле большого дома О.А. Мусиной-Пушкиной, бывшей замужем за греческим полковником Г.Д. Орфано [5, с. 23-25; 3, с. 230-231; 10, с. 39-40]. Н.А. Северцев, участник кружка «вертепников», был частым гостем литературно-музыкальных вечеров у графини Е.П. Ростопчиной [10, с. 52-54]. Впоследствии, отметим, бедные нигилисты-шестидесятники и более обеспеченные «салонные» нигилисты также сосуществовали рядом друг с другом в тесном сообществе как революционных, так и иных общественных кружков [14, с. 8-11].

Кто сравнил кружок с вертепом, явно намекая на низкое социальное происхождение его участников, неизвестно - это название сохранилось в рапорте московского обер-полицмейстера [5, с. 23]. Эта ирония, возможно, исходила со стороны самих «вертепников»: как вспоминал А. Веселовский, в «периоды брожения (умов молодежи - В.К.) важным орудием борьбы является смех» [1, с. 397]. Самоирония над своим социальным положением была характерна и для других шестидесятников: так, петербургский кружок «Сморгонская академия» получил такое название от П.Н. Ткачева, сравнившего нигилистов с дрессированными медведями из зверинца князей Радзивиллов, и участники кружка «гордились этой кличкой» [13, с. 80].

Источники не очень четко характеризуют обсуждавшиеся «вертепниками» темы: участники кружка интересовались современной западной философией, читали «Колокол» и «передовую» отечественную публицистику, обсуждали «насущные русские вопросы» (народной и студенческой жизни, «настоящего быта государства», прав подданных и т.п.) [10, с. 39; 5, с. 23, 27-28; 1, с. 397]. Постоянным гостем вечеров был известный славянофил

А.С. Хомяков, «со страстной настойчивостью» участвовавший в философских спорах; впрочем, перетянуть молодежь на свою сторону ему не удалось, кружок так и сохранил своё «красное» направление [5, с. 30; 3, с. 230-231; 10, с. 40].

Предположения о том, что кружок, помимо открытого дискуссионного клуба, проводил более узкие, «конспиративные собрания, где раздавались голоса в защиту революции» [11, с. 24], не подтверждаются источниками. Так, группа посещавших вечера студентов «на почве освободительных идей и общей готовности послужить делу народного образования» создала свой кружок, издававший рукописный журнал «Изобличитель», критиковавший порядки и нравы в Московском университете [3, с. 231-232]; однако никакой подпольной деятельности вдохновленные «вертепниками» студенты не вели. Обрывочные сведения о связях «вертепников» с кружками Петербурга и Харькова позволяют говорить лишь о желании поддерживать общение с единомышленниками [1, с. 397; 5, с. 28]. По сведениям полиции, Рыбников пытался вербовать в кружок студентов, представляясь членом иерархичного тайного общества, что напоминает скорее шуточные мистификации в духе шестидесятых годов [4], нежели отражение реальных сведений. Городские слухи, собираемые властями, вряд ли являлись надежным источником: так, московский генерал-губернатор, опираясь на них, искренне рапортовал в 1858 г., что славянофилы составляют «тайное политическое общество» [7, с. 447].

Тем не менее, свою роль в распространении революционных идей «вертепники» сыграли. Приверженность специфическим для шестидесятников взглядам можно проследить на примерах наиболее активных участников кружка. Так, в феврале 1859 г. Рыбников был выслан административным порядком в Петрозаводск из-за подозрений в сношениях с раскольниками [9, л. 2]. В конце 1859 г., описывая быт крестьян Олонецкой губернии, он замечал, что «их трудом и усталостью мы покупаем себе удобства нашей цивилизованной жизни» [5, с. 36], что органично перекликается с рассуждениями П.Л. Лаврова о цене прогресса. М.Я. Свириденко, активно отстаивавший социалистические идеи в спорах с Хомяковым, во время проживания в Херсонской губернии сблизился с крестьянской молодежью с целью изучить их нравы и обычаи, в чем, по справедливому замечанию М.М. Клевенского, проявилось «народническое тяготение» интеллигенции 1850-1860-х гг. [5, с. 32-33]. А.А. Козлов вплоть до середины 1860-х гг. поддерживал контакты с молодежью и был близок к ишутинцам. По показаниям некоторых лиц, арестованных по каракозовскому делу, Козлов и сам был «членом особого общества» с «противоправительственными целями» [8, л. 2, 4]; после непродолжительного ареста Козлов, однако, был освобожден.

Все эти факты позволяют считать кружок «вертепников» типичным для эпохи шестидесятников объединением молодежи, которая не ставила перед собой задач подпольной борьбы, но всячески пропагандировала в своей собственной среде политические идеи, получившие впоследствии развитие как в революционном подполье 1860-х гг., так и в народническом движении последующей эпохи.

Источники и литература

- 1) Веселовский А. Воспоминания об А.А. Котляревском. // Киевская старина. 1888. № 9. С. 395-414.
- 2) Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965.
- 3) Деркачев И.П. Из московских студенческих воспоминаний. // Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 189-234.
- 4) Кириллов В. ЕРК. Версии мифа. // Родина. 2014. № 4. С. 71-73.

- 5) Клевенский М. «Вертепники». // Каторга и ссылка. 1928. № 10 (47). С. 18-43.
- 6) Котляревский Н.А. Канун освобождения. 1855–1861. Пг., 1916.
- 7) Любопытные показания графа А.А. Закревского о некоторых представителях московского образованного общества в начале прошлого царствования. // Русский архив. 1885. № 7. С. 447-452.
- 8) О кандидате Московского университета Алексее Козлова и других. // ГА РФ. Ф. 95 (Следственная комиссия по делам о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 320.
- 9) Отношение С.Е.И.В. Канцелярии по делам Царства Польского с дополнительными сведениями о Рыбникове. // ГА РФ. Ф. 109 (III отделение). Оп. 1а (Секретный архив). Д. 317.
- 10) Погодин Д.М. Из воспоминаний. // Исторический вестник. 1892. № 4. С. 35-55.
- 11) Разумова А.П. Из истории русской фольклористики. М.; Л., 1954.
- 12) Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М., 1997.
- 13) Свешников Н.И. Воспоминания пропадающего человека. М., 1996.
- 14) Серова В.С. Александр Николаевич Серов. Праздники и будни в нашей совместной жизни. // Русская мысль. 1913. № 4. С. 6-26.
- 15) Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958.